

Актуальные проблемы политической метафорологии

Данная статья представляет собой обзор лингвистической литературы, опубликованной за последние 10-15 лет представителями уральской школы политической лингвистики по проблемам метафорологии. На современном этапе развития политической лингвистики метафорология находится на стадии становления как относительно самостоятельное направление исследования политического дискурса разных жанров и типов.

Политическая лингвистика; метафорология; дискурс; метафорическая модель.

S.M. Polyakov,
Shadrinsk

Modern challenges in the field of political metaphorology

The article presents a review of linguistic literature published during 10-15 recent years by the representatives of the Ural school of political linguistics on the problems of metaphorology. On the present stage of development of political linguistics metaphorology is becoming a relatively independent branch of research of political discourse of different genres and types.

Keywords: political linguistics; metaphorology; discourse; metaphorical model.

Руководителем и научным лидером уральской школы политической лингвистики является доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Анатолий Прокопьевич Чудинов. Одной из последних работ А.П. Чудинова в этой области является монография «Очерки по современной политической метафорологии».

«Очерки...» являются серьезной научной работой. Научные воззрения автора формировались в течение довольно длительного периода времени и излагались в ряде монографий, статей и других научных публикаций [9; 10; 2; 3]. Монография была задумана и опубликована как своеобразный отчет по итогам многолетних исследований автора и возглавляемой им уральской школы политической метафорологии; вместе с тем, она читается как самостоятельная композиционно законченная научная работа.

Первая глава представляет собой своего рода введение в теорию когнитивного исследования политической метафоры: здесь рассматриваются общие проблемы политической лингвистики, ее основные понятия и термины, сущность метафорической модели и ее функции в политической коммуникации.

В данной монографии метафора представлена как основная когнитивная операция, как важнейший способ познания и рубрикации мира. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека. Таким образом, всякий раз, когда мы говорим о метафорах типа СПОР – это ВОИНА, соответствующие метафоры следует понимать как метафорические понятия (концепты)» [16, с. 6].

В результате рассмотрения теоретических основ политической метафорологии автор приходит к мнению, что в качестве ведущих целесообразно выделять следующие функции метафоры: когнитивную функцию, включающую номинативно-оценочную, моделирующую, инструментальную и гипотетическую разновидности; коммуникативную функцию, включающую эвфемистическую и популяризаторскую разновидности; прагматическую функцию, включающую побудительную и аргументативную и эмотивную разновидности; эстетическую функцию, включающую экспрессивную и изобразительную разновидности.

Метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно

представить определенной формулой: X – это У. Например, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА; ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ – это ПУТЕШЕСТВИЕ; ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ – это ДЕНЬГИ. Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие: X подобен У, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ подобна ВОЙНЕ [13, с. 27].

В соответствии с названной формулой система фреймов (слотов, концептов) одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-магнита). При таком моделировании в сфере-магните обычно сохраняется не только структура исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

При описании метафорической модели на первый план выдвигаются следующие ее признаки: исходная понятийная область, новая понятийная область, относящиеся к данной модели сценарии и фреймы, составляющие каждый фрейм слоты. При более детальной характеристике определяются компоненты смысла, которые связывают сферу-источник и сферу-магнит метафорической экспансии, а также продуктивность и частотность модели, ее типовые концептуальные векторы и прагматический потенциал.

За основу для классификации моделей автор предлагает взять либо понятийную сферу-источник метафорической экспансии, либо понятийную сферу метафорического притяжения (сферу-магнит). Для иллюстрации этого положения в настоящей главе представлено описание, с одной стороны, политических метафор, объединяемых сферой-источником «Экономика», а с другой – метафор со сферой-магнитом «Экономика» и сферами-источниками «Война», «Человеческий организм», «Криминал», «Мир животных», «Болезнь» [13, с. 33-34].

Во *второй главе* представлено обоснование методики исследования метафорических моделей и специально охарактеризованы принципы уральской школы политической метафорологии.

Опыт изучения политической метафоры, накопленный уральской школой политической метафорологии, позволил сформулировать принципы исследования, главными из которых являются следующие: примат когнитивного подхода, преодоление ограничений, связанных со структурным, исключительно лингвистическим подходом к исследуемому материалу; примат дискурсивного подхода; обращение к единому пространству языковых и речевых метафор; примат антропологического подхода; предпочтение сопоставительным исследованиям, результатом чего стало многообразное сопоставление метафорических картин мира в различных государствах, которые обобщены в специальных обзорах [10; 3; 5; 8].

Сопоставление в рамках уральской научной школы не рассматривается как ведущее. Как справедливо отмечает Э.В. Будаев, «основные ракурсы дискурсивного сопоставления политических метафор объединяются в четыре группы:

- этнокультурное сопоставление, направленное на поиск универсального и культурно-специфического в политических метафориках разных этнокультурных сообществ;
- социально-дискурсивное сопоставление, включающее в себя идеологическое, идиолектное и гендерное сопоставление;
- диахроническое сопоставление, охватывающее вопросы исторического развития системы политических метафор;
- мультимодальное сопоставление, предметом которого являются семиотические закономерности функционирования невербальной метафорики и ее взаимосвязи с вербальным пластом политических образов» [4, с. 11-12].

Третья глава посвящена исследованию закономерностей исторической динамики политических метафор, реализации этих закономерностей в отечественном

политическом дискурсе последних десятилетий с учетом изменчивости доминантных метафорических моделей.

Исследование исторического развития политической метафоры – одно из интенсивно развивающихся направлений когнитивной лингвистики. Исследование базисных метафор – это своего рода ключ к выявлению особенностей национального сознания на определенном этапе развития общества. Соответственно, наблюдения над динамикой базисных метафор, сопоставление закономерностей образного представления действительности позволяет выделить наиболее существенные общие и особенные признаки в национальном сознании различных народов с учетом специфики исторического развития соответствующего общества.

Автор приходит к выводу, что целенаправленный анализ функционирующих в политической сфере метафорических моделей способствует выявлению тенденций развития политического дискурса и помогает определить степень влияния изменений социально-экономического характера на преобразование и функционирование политического языка.

На основе анализа существующей литературы по политической метафорологии А.П. Чудинов обнаруживает несколько закономерностей, которые по причине их регулярной повторяемости в самых различных политических дискурсах и общепризнанности можно представить как своего рода аксиомы, которые уже «не нуждаются в каких-то доказательствах и определяют методологию соответствующего научного направления.

1. Национальная система политических метафор постоянно развивается в условиях диалектического взаимодействия тенденции к обновлению метафорического арсенала и тенденции к его традиционности. В зависимости от дискурсивных условий на том или ином этапе развития, каждая из названных тенденций может оказаться преобладающей.

2. Национальная система политических метафор характеризуется, с одной стороны, тенденцией к сохранению своей культурной самобытности, а с другой – тенденцией к взаимодействию с системами политических метафор, характерными для иных государств. В зависимости от дискурсивных условий на том или ином этапе развития, каждая из названных тенденций может оказаться преобладающей.

3. Динамика развития национальной системы политических метафор неравномерна: периоды интенсивного развития («метафорические бури») сменяются периодами относительной стабильности («метафорического затишья», «метафорического штиля»).

4. «Метафорические бури» обычно совпадают по времени с периодами политических потрясений (и даже знаменуют собой будущие политические преобразования), а «метафорическое затишье» обычно характерно для периодов политической стабильности.

5. Сферы-мишени политической метафоры более динамичны, чем ее сферы-источники. Политические реалии, привлекающие повышенное внимание общества, быстро становятся центрами метафорического притяжения: постоянно возникают новые и новые метафоры для их обозначения.

6. «Метафорические бури» характеризуются не столько появлением новых метафорических моделей, сколько активизацией уже существующих, то есть вовлечением все новых и новых концептов, детальным развертыванием метафорических моделей, созданием ярких и свежих метафорических образов.

Метафоры в такие периоды часто становятся предметом обсуждения политиков и широкой общественности, используются в качестве аргументов в полемике.

7. «Метафорическое затишье» характеризуется традиционностью используемых метафор, которые становятся привычными, «стертыми», вызывают

меньше эмоций. Это ведет к сокращению частотности использования соответствующих моделей и почти полному прекращению употребления отдельных метафор.

8. Максимальную метафорическую активность при обсуждении политической жизни проявляют крайне левая и крайне правая оппозиция, тогда как центристы и политики, принадлежащие к правящим партиям, как правило, избегают чрезмерной метафорической агрессивности.

9. Метафорическое «затишье» обычно начинается в коммуникации правящей партии, а метафорические «бури» – в выступлениях радикальной непарламентской оппозиции. Переход от «метафорической бури» к «метафорическому затишью» – это продолжительный процесс: невозможно мгновенное изменение политико-метафорической «погоды».

10. Метафорическое «затишье» редко бывает полным «штилем»: развитие общества предопределяет появление новых метафор, но крайне сложно определить, какие из этих метафор найдут широкий отклик (вызовут метафорическую бурю), и когда это произойдет» [13, с. 108-109].

Анализ метафорических моделей российского политического дискурса начала XXI века позволил выделить в динамике политической метафоры два этапа. На первом из них (2000-2004 годы) во многом сохранялись тенденции, характерные для предшествующего десятилетия, когда ведущую роль играли метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом (ведущие сферы-источники – «Война», «Криминал», «Мир животных») и векторами неискренности и ирреальности («Театр», отчасти – «Спорт»). Особенно это было характерно для дискурса оппозиции. С течением времени эти метафоры стали восприниматься как стершиеся и устаревшие, а поэтому не производили на адресата прежнего впечатления.

На втором этапе (2005-2010 годы) на первый план выдвигаются традиционные для русского национального менталитета природоморфные метафоры. На смену милитарным метафорам все чаще приходят спортивные образы, которые отличаются меньшей агрессивностью, что свидетельствует о стремлении общества заменить все опустошающую войну на стабильность и здоровое соперничество. Все меньше появляется по-настоящему «свежих» метафор, все реже эти метафоры становятся предметом политических дискуссий. На данной стадии значительно сокращается некритическое заимствование метафор из зарубежной прессы.

Вместе с тем среди относительно новых метафорических образов следует выделить активизацию колористических метафор («цветные» революции) и особенно все более многообразное развертывание традиционного для национального сознания образа медведя как символа России и правящей в ней партии. Все активнее в российской политической коммуникации отражается стремление к национальной и культурной преемственности и самобытности.

Судя по всему, российская национальная система политических метафор переходит к этапу стабилизации и возвращения к национальным традициям. Метафорическая «буря» сменилась метафорическим затишьем. В соответствии с общей закономерностью политическая стабильность находит отражение в сфере политических метафор [13, с. 110].

Термин «доминантные метафорические модели» был предложен в 2001 году «для обозначения наиболее ярких, максимально отражающих специфику соответствующего исторического этапа моделей», далее подчеркивалось, что это можно использовать и «для характеристики отдельных фреймов, слотов и иных компонентов той или иной (необязательно доминантной) модели» [9, с. 178]. В процитированной монографии повышенное внимание было уделено историческому развитию метафорических моделей, а поэтому при характеристике доминантных моделей отмечалось, что «доминантной следует считать модель, потенциал развертывания и частотность использования которой на данном этапе развития

общества и языка значительно увеличиваются, что, конечно, привлекает внимание как специалистов, так и просто внимательных людей» [9, с. 179]. В соответствии с этим определением в какой-то период признаки доминантной может иметь и относительно малопродуктивная модель (при условии относительного роста ее продуктивности и частотности). Например, в отечественном политическом дискурсе конца прошлого века значительно увеличилась продуктивность и частотность криминальной метафоры, и соответствующая модель в те годы стала доминантной, хотя по абсолютной частотности она по-прежнему уступала метафорическим моделям со сферами-источниками «Война», «Дом» и «Физиология человека».

Для рецензируемой работы показательным является демонстрация приводимых положений интересными яркими примерами из диссертаций, выполненных в русле метафорологии учениками автора.

Так, в диссертации Татьяны Андреевны Шабановой [14] проанализированы метафоры российских и американских феминисток. Выяснилось, что активистки названного движения при обозначении мужчин регулярно используются доминантные модели ОНИ – АГРЕССОРЫ, ОНИ – ЖИВОТНЫЕ. В российском феминистском дискурсе самые активные зоонимы – это *собака, кобель, скотина, конь, жеребец, теленок, осел, козел, зверь, животное*.

Любимые метафоры американских феминисток *pig, parasite, leech, bloodsucker, tick, flea, louse, cockroachi termite*. Метафоры в дискурсах двух разных народов на удивление похожи.

Феминистский дискурс включает представления о двух мирах – мужском и женском, которые враждебны друг другу и находятся в отношениях перманентной войны. По представлениям феминисток, женщины должны давать постоянный отпор мужской агрессии, и этот отпор столь же закономерен, как война с агрессорами или борьба с преступниками. Ср.: *Now the man in the padded suit stands facing us as the conqueror, class participants sprawled at his feet either unconscious or writhing in pain* (www.feminist.com, 17.08.2011).

Яркий отличительный признак российских феминистских текстов – представление мужчины в виде ребенка. В подобных случаях иронически используются следующие номинативные единицы: *ребенок, мальчик, подросток, дитя, младенец, юноша*; мужчина изображается как ребенок с присущим ему уровнем психического, эмоционального и интеллектуального развития.

Специфическая черта американского феминизма – представление мужчин в виде больных, активное использование морбиальных метафор. Мужчины – это *schizophrenics or paranoids, crazy, mad, cranky and insane people*, они страдают от *tumor, plague and infections*. Общение с ними приводит к *cancer, diarrhea, poisoning* и иным печальным последствиям.

В целом можно заметить более высокую степень агрессивности американских феминистских метафор. В частности, характерное для России представление мужчины в образе несмышленного ребенка несет меньший агональный заряд, чем типичное для США представление мужчины в виде *the Satan, schizophrenic drug addict*. Возможно, русские женщины изначально запрограммированы на то, чтобы больше прощать, понимать и принимать.

К числу универсальных моделей представления женщин в феминистском дискурсе США и России относятся милитарные модели (МЫ – ЖЕРТВЫ, МЫ – ВОИНЫ) [14, с. 22].

Итак, введение в понятийный аппарат политической метафорологии термина «доминантных метафорических моделей» и последовательное применение этого понятия для анализа политической коммуникации позволяет сделать важные выводы о взаимодействии метафорического моделирования с национальной культурой, с

политической ситуацией в государстве, со специфической организацией политического дискурса.

В *четвертой главе* теория политической метафорологии рассматривается во взаимосвязи с общими проблемами политической лингвистики, среди которых специального рассмотрения потребовали проблемы метафорического представления образа родной страны в отечественном политическом дискурсе, дискуссия о русской национальной картине мира и проблемы авторства и адресности политического дискурса.

Метафорический образ России представляет значительный интерес для политической лингвистики и лингвистической политологии.

Специальные исследования показывают, что, в отличие от большинства других народов, для которых характерно восприятие «своего» как хорошего, нормального, а «чужого» – как плохого и аномального, русскому человеку в оценке родины и своего народа присуща неумеренная критичность и решительность в негативной оценке [6; 7; 15 и др.]. По словам Н. Бердяева, «русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость» [1, с. 15]. Эта явная самокритичность часто граничит с самобичеванием и особенно ярко проявляется в рассматриваемых в данной главе метафорических характеристиках России.

Несмотря на негативную оценочную коннотацию многих современных политических метафор, автор исследования высказывает надежду на то, что общественное сознание уже устало от однообразных образов военной, криминальной, бестиальной и морбиальной сфер и ждет совершенно новых концептуальных метафор. Это позволяет надеяться на то, что новый российский политический дискурс будет отличаться актуализацией совсем других метафорических моделей и лингвисты нового поколения отметят как свойство русской ментальности такие образы, как «РОССИЯ – МАТЬ», «РОССИЯ – ЦВЕТУЩИЙ САД», «РОССИЯ – ДОМ ТОРЖЕСТВА ЗАКОНА И СПРАВЕДЛИВОСТИ», «РОССИЯ – ЛЕТАЮЩАЯ ПТИЦА ИЛИ МЧАЩАЯСЯ ВПЕРЕД ТРОЙКА». Это будут метафоры общества, уверенного в себе, развивающегося и вместе с тем не забывающего о фундаментальных национальных ценностях и приоритетах [13, с. 127-128]. С надеждами автора можно только согласиться и пожелать, чтобы они превратились в реальность как можно быстрее.

Дискурсивные характеристики политических текстов изначально существенно отличаются от подобных характеристик иных текстов – научных, художественных, медицинских или педагогических. В рассматриваемой работе перечисляются ведущие дискурсивные характеристики текста в политической коммуникации: авторство и адресность политического текста, общедоступность политической коммуникации и ее эзотеричность, ритуальность и информативность, институциональность и личностный характер политической коммуникации, ее оценочность, агрессивность и толерантность и т.д. [11, с. 53-71]

В настоящей работе рассмотрены далеко не все типичные свойства политического дискурса, отличающего его от дискурса научного и художественного или бытового. Не меньший интерес представляет и сопоставление политического дискурса с иными видами дискурса (бытовым, педагогическим, медицинским, журналистским и т. п.). Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования специфики политической коммуникации в ее соотношении с иными типами коммуникации.

Работы, написанные в рамках уральской школы политической метафорологии, отличают такие качества, как экспланаторность, экспансионизм, мультидисциплинарность, аргументативность, иллюстративность и некоторые другие.

Уральская научная школа метафорологии продолжает развиваться, и мы вправе ожидать от нее появления новых исследований, новых идей, новых методов и приемов

изучения политического дискурса, важное место в котором занимает политическая метафора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев.– М. :Философское общество СССР, 1990.–240 с.
2. Будаев, Э.В. Метафора в политическом интердискурсе: монография / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов.– Екатеринбург :Урал.гос. пед. ун-т,2006.–214 с.
3. Будаев, Э.В. Метафора в политической коммуникации: монография / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов.– М.: Флинта: Наука, 2008. –248 с.
4. Будаев, Э.В. Сопоставительная политическая метафорология [Текст] : монография / Э.В. Будаев.– Нижний Тагил : НТГСПА, 2011. –330 с.
5. Будаев, Э.В. Основы когнитивно-дискурсивного анализа политической метафоры: монография / Э.В. Будаев.– Нижний Тагил : НТГСПА, 2012. –230 с.
6. Кобозева, И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И.М. Кобозева // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6. –С. 132–149.
7. Петренко, В.Ф. Метафора как средство описания образа личности (психологический аспект) / В.Ф. Петренко, Т.И. Менчук // Психология созидания. Ежегодник Российского Психологического Общества. – Казань. – 2000. –Т. 7,вып. 2. –С. 109–115.
8. Плотникова, Г.Н. Теория и практика сопоставительной политической метафорологии / Г.Н. Плотникова, Е.Г. Доценко // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1. –С. 36–42.
9. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография / А.П. Чудинов.–Екатеринбург :Урал.гос. пед. ун-т,2001.–238 с.
10. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / А.П. Чудинов.–Екатеринбург :Урал.гос. пед. ун-т,2001.–248 с.
11. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учеб.пособие / А.П. Чудинов.–М. : Флинта: Наука, 2006.–258 с.
12. Чудинов, А.П. Российская политическая метафорика в начале XXI века / А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1. –С. 86–93.
13. Чудинов, А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография / А.П. Чудинов.–Екатеринбург :Урал.гос. пед. ун-т,2013.–176 с.
14. Шабанова, Т.А. Метафорическое моделирование лингвокультурной категории СВОИ – ЧУЖИЕ в феминистском дискурсе США и России : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Шабанова. – Екатеринбург, 2013.–23 с.
15. Шаова, О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А. Шаова. – Екатеринбург, 2005.–22 с.
16. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson.–Chicago : University of Chicago Press, 1980. –242 p.